ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ ВИЛЕНСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 20.

1843 ГОДА.

О ЛИТОВЦАХЪ И ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ ЛИТОВСКОМЪ.

Подъ именемъ *Литовцевъ* разумѣются вообще жители Литвы, Семигаліи, Курляндіи, части Лифляндіи и Витебской губерніи, Запущанскаго тракта въ Августовскомъ воеводствѣ и Восточной Пруссіи.

Народонаселеніе.

По мнѣнію *Ватсона*, причисляющаго Кривичей (Литвино-Руссовъ и Бѣлоруссовъ) къ народамъ Литовскимъ, число Литовцевъ можетъ простираться до 11 мил; по другимъ—до 5 м.; а по *Кеппену* (въ 3 книжкѣ собираемыхъ имъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи) нынѣ всѣхъ ихъ около двухъ милліоновъ, да и прежде все ихъ народонаселеніе едва ли превышало три милліона.

По Прусско-Литовскому словарю *Мильке*, *Letas* значитъ *простой*, *глупый*; *Преторіусъ* и *Гарткнохъ* такое же даютъ толкованіе слову *Литовцевъ*. Простыми называютъ они Литовцевъ отъ того, будто бы сей народъ, по легковѣрію своему, допустивъ обмануть себя другимъ, оставилъ отечественную землю (Восточную Пруссію), гдѣ они извѣстны были подъ именемъ Геруловъ, или Галиндовъ, и Судиновъ (*).

Языкъ.

Народъ Литовскій и Латышскій есть смѣсь различныхъ племенъ: Венедовъ, Готѳовъ и Германцевъ. Въ языкѣ собственно Литовскомъ, по замѣчанію *Ватсона*, удержано Славянскихъ словъ $\frac{2}{3}$, въ Латышскомъ $\frac{1}{2}$, а въ Прусско-Литовскомъ $\frac{1}{3}$, прочія слова суть Готѳскія, Финскія и Нѣмецкія.

Не извѣстно: игрою ли случая, или, какъ нѣкоторые думали, по смѣси Венедовъ съ Римскими переселенцами, или по сношеніямъ ихъ съ Латинами жившими въ Дакіи,

(*) *Litwo* denotat hominem *simplicem* quia aliis persuasus, patriam reliquit, terram (*Petri de* Dusburg, Chronicon Prussiae).

Славянскія слова въ нарѣчіяхъ Литовскомъ и Латышскомъ почти всѣ получили образованіе Латинское, напримѣръ:

Русскія:	*Литовскія и Ливонскія:*	*Латышскія:*
Братъ	брале	бралисъ
Человѣкъ	—	цилвексъ
Персты	перстасъ	—
Смерть	смертисъ сміэртисъ	—
Вѣтръ	вѣясъ	—
Дождь	лэтусъ	летусъ
Снѣгъ	сніэгасъ	снѣксъ
Ледъ	ладасъ	леддусъ
Море	маріосъ	—
Огонь (ignis)	угнисъ	угнусъ
Очагъ	—	уггункурисъ
Свѣтъ	свѣтасъ	—
Звѣрь	—	зверсъ (*).

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какъ лексикографическихъ, такъ и граматическихъ, языкъ Литовцевъ и Латышей служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что оба сіи народа суть Славянскаго племени, перемѣшанные только съ Готѳами и Финнами.

Историческое обозрѣніе Литвы.

Литовскіе народы были данниками Россіи съ XI вѣка до второй половины XII и даже до XIII; но дань, которую они платили, состояла только изъ шкуръ, лыкъ и вѣниковъ (fasces frondeos, quibus in balneis sudorem provocare solebant. *Гарткнохъ* de re nummaria Prussorum).

(*) Срав. словари собр. Высочайшею особою.

Семигалія, также платившая дань Россіи, сдѣлалась независимою въ 1104 году; Литовцы же начали усиливаться во второй половинѣ XII столѣтія.

Эрдивилъ, въ 1217 году воюя съ Русскими, завладелъ Брестомъ, Гродномъ, Драгочиномъ, и принялъ титулъ Князя Новогрудскаго. *Гедиминъ* присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Княжество Пинское, землю Витебскую и всю древнюю область Кривскую, или нынѣшнюю Бѣлоруссію, именуясь Великимъ Княземъ Литовскимъ и *Русскимъ* (**). Не извѣстно, когда Литовцы овладѣли странами Днѣпровскими; но при Димитріи Донскомъ Кіевъ и Черниговская область уже находились во власти Гедиминова внука, сына Ольгердова.

Ольгердъ, стараясь о распространеніи своихъ владѣній со стороны востока, завоевалъ въ 1356 году Смоленскъ и Брянскъ.

Сынъ его *Ягайло*, принявши въ 1386 году титулъ Короля Польскаго, въ слѣдствіе мира и договора съ Витовтомъ, уступилъ сему послѣднему, вмѣстѣ съ правами своими на Княженіе Литовское, и Волынію съ Брестомъ.

Витовтъ присоединилъ къ своему Княжеству Подолію, Друцкъ, Оршу и Витебскъ. Почти вся древняя земля Вятичей (нынѣшняя Орловская губернія, съ частію Калужской и Тульской) принадлежали Литвѣ;

(**) Но государство, основанное Гедиминомъ, было собственно не Литовское, а *Русское*, ибо въ немъ языкъ законодательный и придворный былъ Русскій, вѣра Православная; коренные же Литовцы не составляли господствующаго народонаселенія, и до XVI вѣка оставались дикарями.

Издатель.

Ржевъ, Великіе Луки, Карачевъ, Мценскъ, Бѣлевъ и другіе удѣльные города Князей Черниговскихъ также поддались Витовту; Можайскъ, Боровскъ, Калуга и Алексинъ уже граничили съ Литовскими владѣніями, которыя въ сіе время простирались съ одной стороны отъ границъ Псковскихъ до Галиціи и Молдавіи, а съ другой отъ Бреста до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра (*).

Со смертію Витовта померкла слава Литовская. Россіяне, пользуясь отдѣленіемъ Литвы отъ Польши, начали возвращать отечеству прежнее его достояніе. Въ 1500 году Князья Черниговскіе и Рыльскіе добровольно присоединились къ Московской державѣ; Мценскъ, Серпейскъ, Бранскъ, Путивль и Дорогобужъ взяты вооруженною рукою. Александръ, Князь Литовскій, старался сохранить цѣлость своихъ владѣній вступленіемъ въ бракъ съ Княжною Еленою, дочерью Іоанна, который однако пользу своего народа предпочиталъ связямъ семейнымъ. Послѣ смерти Александра онъ намѣревался присоединить Литву и самую Польшу къ Россіи; но избраніе, какъ въ Краковѣ, такъ и въ Вильнѣ, Сигизмунда остановило его намѣренія.

Жмудь, принадлежавшая нѣкогда Нѣмецкому Ордену, въ 1408 году присоединена была къ Польшѣ; въ 1562 та же участь постигла и Лифляндію; между тѣмъ какъ Курляндія и Семигалія, составившія особое Герцогство, предоставлены были послѣднему Магистру Нѣмецкаго Ордена Готгарду Кетлеру и законнымъ его наслѣдникамъ.

(*) Карамз. V, 153—158.

Вѣра.

Первые лучи Христіанства къ Латышамъ проникли около 1200 года, а въ самую Литву—въ концѣ XIII столѣтія. Славный Ольгердъ былъ Греко-Россійскаго исповѣданія. Онъ умеръ въ 1377 году схимникомъ, по убѣжденію своей супруги Іуліаніи и Печерскаго архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ монашествѣ Алексія, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ вѣры Іисусовой (*).

Ягайло въ 1386 году съ наслѣдницею Польскаго престола принялъ Римско-Католическую вѣру.

У Латышей сія вѣра распространена была силою оружія и вліяніемъ духовенства. Папа Иннокентій еще въ 1198 году предписалъ для нихъ, чтобы воспринимающіе Св. крещеніе выучивали наизусть *Чинъ исповѣди*, *Молитву Господню и Символъ вѣры*; а около 1444 года постановлено было не вѣнчать тѣхъ, которые не знаютъ наизусть *Отче нашъ, Вѣрую и Богородице Дѣво радуйся*, равно какъ и не опредѣлять священниками зе знающихъ народнаго языка. Польское правительство не обращало вниманія на сіе постановленіе, и по видимому намѣревалось совсѣмъ уничтожить употребленіе Латышскаго языка въ актахъ. На сеймѣ, бывшемъ въ Ригѣ въ 1614 году, предполагалось уволить отъ должности находившихся въ Лифляндіи немногихъ Латышскихъ пасторовъ. Преподаваніе языка Латышскаго въ Рижской гимназіи начато было только съ 1621 года, по повелѣнію Густава Адольфа.

Польское правительство утверждало

(*) Карамз. Истор. Госуд. Россійск. Т. V, стр. 35 и 52 и д.

также, что одни только Нѣмцы имѣли право быть Лютеранами; Латышей же и Эстовъ оно, съ помощію Іезуитовъ, насильственнымъ образомъ старалось обратить къ Католицизму.

Помѣстивъ статью г. Глаголева (*) о Литовцахъ и замѣтивъ, что онъ не отдѣлилъ понятіе о великомъ Княжествѣ Литовскомъ (Русскомъ по языкѣ и вѣрѣ) отъ понятія о коренныхъ Литовцахъ (народѣ не-Славянскомъ), считаемъ долгомъ указать на правильное рѣшеніе вопроса о Литовскомъ великомъ Княжествѣ, предложенное г. Устряловымъ (**). Вотъ оно:

Вопросъ о Литовскомъ княжествѣ, подобно многимъ другимъ, остался темою для будущихъ изыскателей.

Для рѣшенія этого вопроса необходимо объяснить: 1, что такое было Литовское княжество, какъ возникло оно въ видѣ самостоятельнаго государства, какъ утратило свою самостоятельность и подпало чуждому владѣнію; 2, какъ смотрѣли на него Московскіе Государи во время его величія и паденія; 3, какъ понимали его современные писатели до конца XVII вѣка; и 4, что думали объ немъ позднѣйшіе историки наши, имѣвшіе всѣ средства соображать связь событій, причинъ, слѣдствій и отношеній.

I. Основанная мечемъ и умомъ Норманскихъ витязей (***), исключительно подвластная одному дому Рюрикову, уже *въ первый вѣкъ своего бытія Русь вошла въ тѣ предѣлы, которые потомъ остались навсегда рубежемъ Русской народности.* На западѣ этотъ предѣлъ простирался *до горъ Карпатскихъ, до Бреста, Гродно и Динабурга.* Неизбѣжное зло, слѣдствіе современнаго понятія о правѣ всѣхъ потомковъ Рюрика на господство въ Русской землѣ, раздробило ее на мѣлкіе удѣлы, изъ коихъ въ XII и XIII столѣтіяхъ образовалось множество княжествъ, одно отъ другаго независимыхъ. Не взирая однакожъ на стремленіе Князей къ самостоятельности, на взаимную вражду цѣлыхъ поколѣній, *мысль о единствѣ Руси* никогда не исчезала. Поддерживаемая *единствомъ вѣры, церковныхъ уставовъ, языка, одноплеменностью Князей и преданіями Исторіи*, она постоянно и живо обнаруживалась въ разныхъ пунктахъ, въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ, Владимірѣ на Волыни, Владимірѣ на Клязмѣ, наконецъ съ половины XIV вѣка утвердилась и въ полномъ блескѣ развилась въ Москвѣ. Пользуясь многими благопріятными обстоятельствами, въ особенности всеобщимъ убѣденіемъ современниковъ въ необходимости положить предѣлъ княжескимъ распрямъ, умные владѣтели Москвы быстро взяли перевѣсъ надъ сосѣдними Князьями, покорили ихъ одного за другимъ, и *къ концу XV вѣка всѣ почти удѣльные княжества къ востоку отъ*

(*) Изъ Журн. Мин. Внутреннихъ Дѣлъ 1842.

(**) Изъ сочиненія, читаннаго въ 1838 на торж. актѣ въ Глав. Педагогическомъ Институтѣ.

(***) т. е. Варяжскихъ, изъ Поморской Славіи. Авторъ этого сочиненія такъ уменъ, что право неизвинительно ему показывать видъ будто бы держится Скандинавоманіи, подрытой со всѣхъ сторонъ здравою историческою логикою новѣйшихъ изыскателей, Ю. И. Венелина, Н. В. Савельева, Ѳ. Л. Морошкина. Будьте прямодушнѣе, г. Устряловъ, и явно перейдите на сторону истины. *Изд.*

Днѣпра слились въ одно государство Московское, въ одну могущественную, нераздѣльную державу, Великую Россію.

Но въ составъ Московскаго государства вошли удѣлы только восточной Руси; *въ западной, изъ Русскихъ княжествъ* Полоцкаго, Витебскаго, Минскаго, Туровскаго, Владимірскаго, Луцкаго, Кіевскаго и Черниговскаго, *образовалось другое самостоятельное государство, независимое отъ Москвы* и подвластное не Рюрикову дому: то было *Великое княжество Литовское, основанное Гедиминомъ.* Онъ и преемники его дѣйствовали также точно, какъ и Князья Московскіе: имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ ума и силы, съ успѣхомъ пользовались благопріятными обстоятельствами и оружіемъ довершали то, что прежде приготовляли искусною политикою, союзами, родствомъ съ потомками Владиміра святаго, господствовавшими въ югозападной Руси.

Вмѣстѣ съ Русскими землями въ составъ Литовскаго княжества вошла и *Литва въ собственномъ смыслѣ*, отчина Гедиминова, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней *Виленской губерніи.* Но *Литвинъ, язычникъ, еще мало знакомый съ гражданскими уставами, изъезалъ въ огромной массѣ Русскаго народа, не могъ передать ему ни своей вѣры, ни своего языка*, самъ заимствовалъ отъ него то и другое, и Литовское государство, при первыхъ преемникахъ Гедимина, представляло такую же систему княжествъ, какую мы видимъ въ Московскомъ государствѣ до Іоанна III. *Тамъ все было Русское, и вѣра, и языкъ, и гражданскіе уставы, самые князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ княженъ, женатые на Русскихъ княжнахъ, крещенные въ Православную вѣру*, казались современникамъ потомками Владиміра святаго.

Было даже время, когда и въ западной и въ восточной Руси, они брали перевѣсъ надъ Князьями Московскими не только силою оружія, могуществомъ своей державы, но и мнѣніемъ народнымъ: Русскіе смотрѣли на нихъ, какъ на истинныхъ Государей Руси, и Тверь, Новгородъ, Рязань охотнѣе становились подъ знамена Литовскія, чѣмъ подъ знамена Московскія. Объяснить это явленіе не трудно. Князья изъ дома Гедимина не платили дани Татарамъ, даже были грозою орды и казались спасителями Руси отъ тягостнаго ига, между тѣмъ, какъ Московскіе Князья усердно угождали ханамъ, правда, по расчетамъ политики дальновидной, но еще не ясной для современниковъ. Случайное обстоятельство дало иной оборотъ дѣлу.

Внукъ Гедимина Ягелло женился на Польской Королевѣ Ядвигѣ и, вмѣстѣ съ ея рукою, получивъ корону Пястовъ, далъ слово соединить Литовское княжество съ Польскимъ королевствомъ, чего усердно желали и Польскіе магнаты и Польскіе епископы. Руссіе подданные его съ опасеніемъ и явнымъ ропотомъ смотрѣли на тѣсный союзъ съ страною иновѣрною, чуждою по языку, чуждою по гражданскимъ уставамъ, и какъ бы предчувствуя всѣ бѣдствія, которыя потомъ обрушились на ихъ отечество, въ слѣдствіе этого несчастнаго союза, нѣсколько разъ пытались разорвать оный, успѣвали въ своемъ намѣреніи, возвращали свою сомостоятельность, имѣли своихъ отдѣльныхъ Князей, и *не прежде, какъ чрезъ 200 почти лѣтъ послѣ восшествія Ягелла на престолъ Пястовъ, при послѣднемъ потомкѣ его совершилось соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею въ одну рѣчь посполитую.* Когда угасъ знаменитый

домъ Гедиминовъ, и *Литовское княжество подпало власти Государей не Русской крови, не Русской вѣры, не Русскаго языка*, некому было охранять въ немъ священный залогъ народности, въ продолженіе многихъ вѣковъ неприкосновенный: западная Русь сдѣлалась *добычею Іезуитовъ, старавшихся истребить въ ней все Русское, и къ концу XVII вѣка* она дѣйствительно *утратила многія черты своей національности: Русскіе законы уступили мѣсто Польскимъ; языкъ былъ искаженъ, нравы и обычаи измѣнились; Унія поколебала и вѣру Православную.*

II. Между тѣмъ *Государи Московскіе никогда не упускали изъ вида западной Руси*: со временъ Димитрія Донскаго до воцаренія ПЕТРА Великаго, всѣ они постоянно выражали мысль, что *Литовское княжество, за исключеніемъ Литвы*, т. е. не болѣе 12 части его, *есть родная ихъ отчина.* Яснѣе всего обнаруживалась эта мысль въ договорахъ Іоанна III съ Императоромъ Германскимъ, съ Королемъ Венгерскимъ, съ Господаремъ Молдавскимъ, съ самимъ великимъ Княземъ Литовскимъ Александромъ Казимировичемъ: онъ говорилъ торжественно, что отчина королевская есть Литва и Польша; Русскія же земли, присвоенныя домомъ Гедиминовымъ во времена невзгоды отечества, онъ намѣренъ добывать оружіемъ, какъ собственность своего дома. Замѣтимъ важное обстоятельство: Іоаннъ не творилъ и не вымышлялъ ничего новаго: онъ стремился къ той же цѣли, которую имѣли въ виду его предшественники, но стремился твердо, постоянно, съ рѣдкимъ умомъ и искусствомъ. Мысль его о Литовскомъ княжествѣ, или что все то же, о необходимости соединить всю Русскую землю въ одно цѣлое, была основаніемъ политики даже перваго великаго Князя Московскаго Іоанна Калиты, который именовалъ себя великимъ Княземъ всея Руси. Съ той же точки смотрѣлъ Димитрій Донской; также думали и дѣйствовали преемники Іоанна III: сынъ его Василій, требовалъ короны Литовской, какъ достоянія своего дома; внукъ, Іоаннъ Грозный, обращалъ свое оружіе болѣе на Ливонію: но въ переговорахъ съ Сигизмундомъ Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ неоднократно доказывалъ права свои на Литовское княжество. Умный Борисъ старался скрѣпить связь восточной Руси съ западною духовною властію, и едвали не это побужденіе было главною виною основанія патріаршества въ Москвѣ. Злосчастное время самозванцевъ надолго ослабило Россію, и Михаилъ Ѳеодоровичъ желалъ возвратить только то, что было утрачено среди междоусобій. Но какъ скоро государство успокоилось и окрѣпло, мудрый Алексѣй съ усердіемъ вступился сперва за часть Литовскаго княжества, за Малороссію; въ слѣдъ за тѣмъ потребовалъ и остальныхъ областей западной Руси. Намѣреніе его едва не увѣнчалось вожделѣннымъ успѣхомъ. Польскій Король Янъ Казимиръ, Государь умный, дальновидный, лучше всѣхъ предшественниковъ понимавшій, и состояніе Польши, и отношенія ея къ сосѣдямъ, договоромъ въ Вильнѣ уступилъ Алексѣю Михайловичу все Литовское княжество. Польскіе магнаты и епископы употребили всѣ усилія, чтобы уничтожить это соединеніе: война съ Польшею возобновилась, и Государь, озабоченный дѣлами внутренними, въ особенности грозою со стороны Турціи, отказался до времени отъ Заднепровской Руси, заключивъ однакожъ съ Польшею, по примѣру предковъ, не вѣчный миръ, а только перемиріе: послѣднее обстоятельство очень замѣчательно: всѣ вообще Московскіе Государи постоянно укло-

вялись отъ постановленія окончательнаго договора по дѣламъ Литовскимъ, въ надеждѣ собраться съ силами и возобновить свои требованія. Одинъ только Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ согласиться на вѣчный миръ Поляновскій, но это потому, что въ то время, съ потерою всего войска подъ Смоленскомъ, борьба казалась невозможною, и дѣйствительно Москвѣ и всему государству грозила великая опасность.

Такимъ образомъ, никогда не теряя изъ вида западной Руси, мудрые Цари наши постоянно старались исполнить *мысль* Іоанна III *о соединеніи Литовскаго княжества съ Московскимъ государствомъ въ одну державу*. Соперники ихъ, Ягеллоны, съ своей стороны естественно не хотеля отказаться отъ правъ своихъ, напрягали всѣ усиліи, чтобы спасти свои владѣнія, имѣли всѣ къ тому средства и боролись съ успѣхомъ. Но подвластный имъ *Рускій народъ неоднократно выражалъ живѣйшее желаніе видѣть своимъ Государемъ Царя Православнаго*. Это желаніе стало ясно обнаруживаться съ тѣхъ поръ, когда потомки Калиты свергли съ себя ненавистное для Русскихъ иго Татарское и озаренные славою дѣлъ, явились достойными владыками Русскаго народа: многія княжества по Днѣпру, присвоенныя домомъ Гедимина, добровольно поддались Іоанну III. Мало того: когда угасъ домъ Ягеллоновъ, Литовскіе чины охотно предложили корону ихъ Іоанну Грозному; съ тѣмъ же предложеніемъ въ послѣдствіи обратились къ сыну его Ѳеодору Іоанновичу; а Стефанъ Баторій, Владиславъ IV, Янъ Казимиръ имѣли даже намѣреніе включить и Польшу, вмѣстѣ съ Литовскимъ княжествомъ, въ одинъ составъ съ государствомъ Московскимъ. Этотъ рядъ фактовъ ясныхъ, несомнительныхъ указываетъ намъ на истинныя отношенія западной Руси къ восточной съ конца XIV до конца XVII столѣтія: онъ свидѣтельствуетъ, что мысль о соединеніи обоихъ государствъ въ одно цѣлое, ни въ той, ни въ другой сторонѣ никогда не исчезала, и эта мысль служила главнымъ основаніемъ политики нашего двора до временъ Петра великаго.

III. Теперь взглянемъ; *какъ понимали современные писатели дѣла Литовскія*. Лѣтописцы восточной Руси XIV, XV и XVI столѣтій, устремляли все свое вниманіе на Москву: судьба ея была главнымъ предметомъ ихъ сказаній. Субытія Тверскія, Рязанскія, Смоленскія, Кіевскія, таже Новгородскія только тогда находили мѣсто въ нашихъ лѣтописяхъ, когда они касались Москвы; если же подобнаго случая не было, лѣтописцы молчали объ нихъ. Также точно они смотрѣли и на Литовское княжество: почти не замѣтили основанія его Гедиминомъ и едва мимоходомъ упомянули о соединеніи его съ Польшею, слѣдующими словами. „Оженился великій Князь Литовскій „Ягайло Олгердовичъ: поялъ нѣкую коро„левицу не имущую ни отца, ни матери, ея „же ради досталось ему королевство въ Ляд„ской землѣ. И крестися Ягайло въ Нѣ„мецкую вѣру и пришедъ въ свою отчину, „въ Литовскую землю, окрестилъ Литву въ „Нѣмецкую вѣру.“ Вотъ все, что наши историки знали о событіи въ высшей степени достопамятномъ, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на судьбу Русскаго народа. Подробнѣе говорятъ они о походахъ Олгерда, Витолда на Московское государство, о войнахъ Іоанна III съ Александромъ, Василія III съ Сигизмундомъ I, потому, что тутъ дѣло шло о Москвѣ. Впрочемъ не вникаютъ, по обыкновенію, въ причины ихъ распрей. Для нихъ непонятна была дальновидная политика дома Іоанна Калиты, въ отношеніи къ Литвѣ, такъ точно, какъ они не

постигали политики его въ отношеніи къ ханамъ Ордынскимъ. Они видѣли въ Литовскихъ Князьяхъ только соперниковъ и опасныхъ враговъ Москвы, старавшихся отнять у нея первенство; въ слѣдствіе того не щадили Ягеллоновъ и съ ужасомъ разсказывали объ ихъ нашествіяхъ. Но, что весьма замѣчательно, эта *борьба Москвы съ Литвою изображается въ нашихъ лѣтописяхъ совсѣмъ не тѣми красками, какими описываются нашествія иноплеменныхъ народовъ*: современные историки не скрываютъ, что Литовскіе Князья находили нерѣдко въ восточной Руси многихъ доброжелателей, что Новгородъ, Тверь, Рязань неоднократно склонялись на ихъ сторону, и если иногда у лѣтописцевъ вырываются укоризны этимъ опаснымъ соперникамъ Москвы, то ненадобно забывать, что *въ томъ же духѣ они разказывали и о бранях удѣльныхъ, когда Русь была подвластная одному дому Владиміра Св.* Стоитъ вспомнить, какъ отзываются Новгородскіе лѣтописцы о Суздальцахъ, Черниговцахъ, или Волынскіе о Кіевлянахъ. Однимъ словомъ, наши лѣтописцы имѣли темныя, неопредѣлительныя понятія о Литовскомъ княжествѣ; но изъ ихъ сказаній нельзя вывести заключенія о народной враждѣ между восточною и западною Русью. *Иначе они стали смотрѣть на Литовское княжество въ XVII столѣтіи, послѣ самозванцевъ, когда Литвинъ и Ляхъ стали для нихъ словами однознаменательными.*

Лѣтописцы западной Руси прекратили свои сказанія въ XIV столѣтіи или справедливѣе, труды ихъ продолжателей истреблены временемъ, оставивъ слѣдъ въ полубаснословной исторіи Стрыйковскаго. На Русскомъ языкѣ сохранились немногія извѣстія временъ Уніи, поясняющія это важное событіе. Литовское княжество не имѣетъ своего національнаго историка. Все, что узнала объ немъ ученая Европа, все почерпнуто изъ мутнаго источника Польскихъ лѣтописцевъ не старѣе конца XVI столѣтія, когда Поляки уже привыкли считать Литву своею древнею *провинціею*. Въ слѣдствіе этой идеи, они представляютъ какъ образованіе Литовскаго княжества, такъ и судьбу его въ превратномъ видѣ: они смотрятъ на Литовцевъ въ собственномъ смыслѣ какъ на старинныхъ союзниковъ Польши, покорившихъ, при содѣйствіи Польскихъ пановъ, все пространство отъ предѣловъ Галиціи до Двины, отъ Бреста до Калуги; а воображаютъ, что уже Гедиминъ ввелъ во всѣхъ подвластныхъ ему земляхъ Литовскіе законы, Литовскіе нравы и обычаи. Соединеніе же Литовскаго княжества съ Польшею по ихъ понятію, было слѣдствіемъ не личнаго честолюбія Ягелла и домогательства Польскихъ магнатовъ видѣть его своимъ Государемъ, а плодомъ усерднаго желанія обоихъ народовъ заключить тѣсный, братскій союзъ. Впрочемъ не всѣ Польскіе современные историки представляютъ это дѣло въ такомъ видѣ: лучшіе изъ нихъ, болѣе основательные и *менѣе пристрастные*, напримѣръ *Кромеръ* и *въ особенности Кояловичъ*, *писавшіе въ то время, когда политика езуитовъ еще не созрѣла*, не скрываютъ, что соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею, совершилось съ большимъ трудомъ, что *главнымъ препятствіемъ* тому была *разноплеменность народовъ*, что *престолъ Великихъ Князей Литовскихъ окружали большею частію Русскіе вельможи*, что *при дворѣ ихъ господствовалъ Русскій языкъ*, что подвластные имъ народы съ величайшимъ усердіемъ берегли свою святыню, что езуиты уже отчаявались поколебать Пра-

вославіе и что *въ самой Вильнѣ находилось гораздо болѣе храмовъ Грекороссійскихъ, чѣмъ костеловъ Римскихъ.* Новѣйшіе писатели Польскіе утаили всѣ сіи обстоятельства и разными софизмами, запутавъ Исторію Литовскаго княжества, успѣли внушить Европѣ мысль, что оно издревле составляло часть рѣчи посполитой. Правда, нѣкоторые изъ ученыхъ писателей Нѣмецкихъ и Французскихъ (Шлецеръ, Малтебрюнъ) старались разсѣять это заблужденіе и представить дѣло въ настоящемъ видѣ, но Польскія понятія взяли верхъ и ввели въ заблужденіе насъ самихъ.

IV. Первая главная ошибка наша въ томъ, что мы привыкли считать Литву въ собственномъ смыслѣ народомъ могущественнымъ, племенемъ господствующимъ, бравшимъ надъ обитателями западной Руси рѣшительный перевѣсъ и силою оружія и гражданскимъ устройствомъ. Такъ говоритъ одинъ изъ *критическихъ* писателей нашихъ (*) о Литвѣ временъ Гедиминовыхъ: „Литва, могущественная, превышающая ве„ликое княжество Московское силою, обра„зованностію, поставленная рукою Гедими„на въ рядъ государствъ самобытныхъ, „обхватила все, что прежде называлось на „Днѣпрѣ и за Днѣпромъ Русью, *преобра„зовала* нравы, обычай тамошнихъ Руссовъ.“ Вотъ точка, съ которой мы обыкновенно смотримъ на Литовское княжество; Идея неосновательная: *Литва въ собственномъ смыслѣ*, заключаясь *въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи*, обитая *среди дремучихъ лѣсовъ въ бѣдности, въ грубомъ невѣжествѣ*, до временъ Гедимина съ трудомъ отбивалась отъ Русскихъ Князей, отъ Литовскихъ рыцарей, *всегда была народомъ малочисленнымъ, слабымъ, и тѣмъ менѣе могла взять перевѣсъ надъ сосѣдами въ гражданскомъ устройствѣ, что до исхода XVI столѣтіа она постоянно была погружена въ язычество и не имѣла письменныхъ законовъ.* Не силою, не храбростію Литвы, а умомъ, искусствомъ, *политикою Гедимина, соединились русскія княжества за Днѣпромъ въ одно цѣлое и образовали великое княжество Литовское.* Онъ дѣйствовалъ Русскими противъ Русскихъ такъ точно, какъ и Государи Московскіе, и гордился именемъ *Русскаго князя.* Отъ того *при немъ и первыхъ преемникахъ его*, въ основанномъ имъ государствѣ *все было Русское: вѣра, языкъ, обычаи*, какъ удостовѣряетъ въ томъ *цѣлый рядъ письменныхъ памятниковъ XIV и XV столѣтій*, самый ходъ событій. Мы не вникли ни въ то, ни въ другое, повѣрили Польскимъ писателямъ, *смѣшали Литву съ Польшею* (**), вообразили, что Литовское княжество возникло по тѣмъ же началамъ, какъ образовались Германскія государства и исключили его изъ своей Исторіи.

Эта ошибка породила другую не менѣе важную: взирая на Литовское княжество глазами Польскихъ историковъ, видя въ немъ государство чуждое, непріязненное, опасное для Россіи, мы не замѣчали мудрой политики Государей Московскихъ, и по-

(*) Авторъ исторіи Русскаго народа, въ началѣ VI тома.

(**) Это совершенная правда. Г. Полевой служитъ примѣромъ: говоря о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ;—онъ постоянно мечталъ о Полякахъ, забывая, что самый Статутъ Литовскій, писанный на языкѣ господствующаго народа, вѣдь писанъ по Русски. *Изд.*

стоянный споръ дома Іоанна Калиты съ домомъ Гедимина казался намъ обыкновеннымъ соперничествомъ двухъ сосѣдей, равно властолюбивыхъ, изъ коихъ одинъ старался усилиться на счетъ другаго. Мы не могли только понять этой безпрерывной брани, удивлялись, какъ самые ничтожные предлоги могли породить столь кровавыя войны, жалѣли о бѣдствіяхъ народовъ, и обременяя князей Литовскихъ строгими упреками, не щадили и Государей Московскихъ, за ихъ мнимое излишнее честолюбіе. Еслибъ мы вникли, что *и потомки Гедимина и потомки Калиты стремились къ господству надъ всею землею Русскою*, что *и тѣ и другіе были убѣждены въ справедливости своихъ притязаній*, и что *распря ихъ до конца XVI вѣка была распрею семейною, а не враждою народною* (*), мы увидѣли бы, что *они спорили не по личному честолюбію, а въ слѣдствіе неизбѣжной необходимости*, и дѣла Литовскія, такъ несвязныя, такъ утомительныя подъ перомъ нашихъ бытописателей, имѣли бы высокое значеніе въ нашей Исторіи.

Къ симъ двумъ главнымъ ошибкамъ присоединилась и третья: на соединеніе *Литовскаго княжества съ Польшею* мы привыкли смотрѣть какъ на дѣло постороннее и если упоминаемъ объ немъ мимоходомъ, то для того только, чтобы дать понятіе о могуществѣ Князей Литовскихъ, которые, располагая силами двухъ народовъ, тѣмъ опаснѣе были для Москвы. Главное, что наиболѣе должно обратить на себя вниманіе Русскаго историка, остается безъ всякаго изслѣдованія и результата. Это соединеніе было *источникомъ тягостнаго ига, которое досталось въ удѣлъ цѣлой половинѣ Русскаго народа и около четырехъ вѣковъ, какъ лютая язва, терзало страну, гдѣ возникла и въ полномъ блескѣ развилась Русская жизнь, гдѣ было истинное наше отечество, гдѣ покоятся и бренные остатки нашихъ Князей, прославившихъ Русское имя въ странахъ отдаленныхъ, и нетлѣнные мощи св. угодниковъ, хранителей Русскаго народа.* Видѣть, какъ страдала Русь надъ ярмомъ Польскимъ, какъ боролась она съ своими гонителями, какъ изнемогала, падала, изобразить всѣ бѣдствія нашихъ единоплеменниковъ, отторгнутыхъ отъ лона общей матери случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, и снова возвращенныхъ подъ кровъ родимый, представить все это,— есть безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ задачь для Русскаго бытописателя. Онъ привыкъ разсказывать о величіи, блескѣ, славѣ государства Московскаго, т. е. одной Руси восточной; пусть же покажетъ намъ и злосчастную долю единовѣрной, единоплеменной намъ Руси западной. Этого требуетъ полнота науки; иначе воззрѣніе наше на судьбу Русскаго народа будетъ одностороннее, слѣдовательно неправильное.

Кромѣ того *соединеніе Польши съ Литовскимъ княжествомъ* имѣло самое рѣшительное вліяніе на главный ходъ событій нашего отечества: съ одной стороны, оно *надолго отсрочило вліяніе западной Руси съ восточною, которое безъ того*, по всей вѣроятности, *совершилось бы еще въ концѣ XVI вѣка, когда угасъ домъ Ягеллоновъ и въ права его долженъ былъ вступить домъ Калиты;* съ другой стороны, оно

(*) Эта мысль г. Устрялова, совершенно справедливая, подтверждается тѣмъ, что Великіе Князья Литовскіе находили множество приверженцевъ въ Восточной Руси — ясно, что народной вражды не было. *Изд.*

вовлекло Польшу въ предѣлы Русскаго міра: судьба ея такъ тѣсно была связана съ судьбою Литовскаго княжества, что самобытное существованіе ея было невозможно, какъ скоро государство Ягеллоновъ вошло въ составъ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, событіе, почти незамѣтное подъ перомъ нашихъ бытописателей, было источникомъ важнѣйшихъ явленій нашей Исторіи: это былъ узелъ, который необходимо надлежало распутать; цѣлые четыре вѣка мы трудились надъ нимъ,—доколѣ умъ ЕКАТЕРИНЫ II не разрѣшилъ его.

(*Изъ Маяка*).

ПРІѢХАВШІЕ ВЪ Г. ВИЛЬНО.

Маія 8. Генералъ-Маіоръ Трусовъ, изъ Минска, кв. въ д. Рубина.

Графъ Австрійскій подданный Уруский, изъ Варшавы, кв. въ д. Рубина.

Маія 9. Полк. Петровичь, изъ Тифлиса, кв. въ д. Зетеля.

б. Губер. Предвод. Дворян. Гедройць, изъ Вилен. уѣзда, кв. въ д. Пузыны.

Маія 10. Камеръ-Юнкеръ Домейко, изъ Минска, кв. въ д. Миссіонаровъ.

Отст. Штабсъ-Кап. Дворжецкій, изъ Ошмяны, кв. въ д. Шенковъ.

Отст. Кап. Квятковскій, изъ С. Петербурга, кв. въ д. Пузыны.

Маія 13. Отст. Ген. Маіоръ Юкичевъ, изъ Вилен. уѣзда, кв. въ д. Геймана.

Отст. Кап. Кулеша, изъ Вилкомира, кв. въ д. Пясецкихъ.

ВЫѢХАВШІЕ ИЗЪ Г. ВИЛЬНА.

Маія 8. Коллежскій Ассесоръ Волкъ, и Кол. Ассесоръ Каминскій, въ Ошмяну.

б. Шавельскій Уѣздный Предвод. Двор. Ковнацкій, въ Шавли.

Графъ Забѣлло, въ Ковно.

Маія 9. Предвод. Дворян, Любанскій, въ Вилейку.

Кап. Кудрявскій, по Губерніи.

Маія 11. Архимандритъ Пожайскаго Монастиря Парфеній, Игуменскаго С. Троицкаго Монастиря Отецъ Арсеній, Виленскій Архимандритъ Отецъ Платонъ, и Уѣздный Предвод. Дворян. Станѣвичь, въ Ковно.

Маія 11. Надвор. Совѣт. Палашевичь, и Предвод. Дворян. Графъ Тышкѣвичь, въ Вилен. уѣздъ.

Штабсъ-Кап. Витте, въ Тифлисъ.

Маія 13. Ген. Маіоръ Пущинъ, въ Бѣлостокъ.

Надвор. Совѣт. Харламовъ, въ губернію.

Штабсъ-Кап. Арцимовичь, въ Виленскій уѣздъ.

Подписалъ: Совѣтникъ Александръ Найденовъ.